

Екатерина **Вильмонт**

Книги Екатерины Вильмонт:

- Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры.
- Полоса везения, или Все мужики козлы.
- Три полуграции, или Немного о любви в конце тысячелетия.
- Хочу бабу на роликах!
- Плевать на все с гигантской секвойи. Умер-шмумер.
- Нашла себе блондина!
- Проверим на шивость господина адвоката.
- перевозбуждение примитивной личности.
- Курица в полете.
- Здравствуй, груздь!
- Гормон счастья и прочие глупости.
- Бред сивого кобеля.
- Зеленые холмы Калифорнии. Кино и немцы!
- Два зайца, три сосны.
- Фиг с ним, с мавром! Зюзюка, или Как важно быть рыжей.
- Крутая дамочка, или Нежнее, чем польская панна.
- Подсолнухи зимой (Крутая дамочка-2)
- Зюзюка и другие (Сб.: Зюзюка, или Как важно быть рыжей; Зеленые холмы Калифорнии; Кино и немцы!)
- Цыц!
- Девственная селедка.
- Мимолетности, или Подумаешь бином Ньютона!
- Артистка, блин!
- Танцы с Варезкой.
- Девочка с перчиками.
- Шалый малый.
- Трепетный трепач.
- Прощайте, колибри, Хочу к воробьям!
- У меня живет жирафа.
- Черт-те что и сбоку бантик.

Екатерина **ВИЛЬМОНТ**

МИМОЛЕТНОСТИ,

ИЛИ

Подумаешь,
бином Ньютона!

АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В46

Вильмонт, Екатерина Николаевна.

В46 Мимолетности, или Подумаешь, бином Ньютона / Екатерина Вильмонт. — Москва: АСТ, 2015. — 317, [3] с.

ISBN 978-5-17-073947-9

Совершив своего рода «подвиг любви», героиня романа Фаина решает начать новую жизнь в другой стране и как будто у нее все складывается удачно, однако встреча с бродячим котом все ставляет по своим местам, и она возвращается в Москву, на прежнюю работу. Но не зря же говорят, что нельзя дважды войти в одну и ту же воду... И разве можно жить без любви? Но разобраться, где настоящая любовь, а где «мимолетность», не так-то просто...

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Подписано в печать 10.02.15 г. Формат 70 90¹/₃₂. Усл. п. л. 11,7.

Доп. тираж 5000 экз. Заказ №

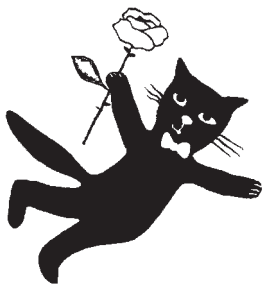
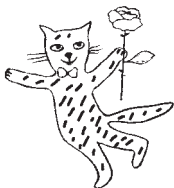
© Вильмонт Е.Н., 2009
© ООО «Издательство АСТ»

Часть
первая

Что было...

В Риме на лестнице площади Испании сидел совершенно счастливый человек. По крайней мере мне так показалось. Об этом свидетельствовала даже его поза. И выражение лица. Ему было лет сорок. И он с детским упоением лизал шоколадное мороженое из огромного вафельного рожка. Мне нравилось наблюдать за ним. Я вообще в последнее время полюбила это занятие — наблюдать за незнакомыми людьми и придумывать им историю. А этот был еще очень красив. Он, конечно, не итальянец. Скорее всего, скандинав. Светло-каштановые волосы, светлые глаза, то ли голубые, то ли зеленые, не разглядишь. Ботинки на нем явно очень дорогие. И часы. За годы работы в глянцевого журнала я научилась распознавать такие вещи. Интересно, чему он так радуется? Обручального кольца нет. Хотя это ничего не значит. А может, как раз этому он и радуется? Может, развелся, освободился? Если он был женат на итальянке, то развод дался ему ох как нелегко... А я? К чему привела меня маниакальная идея за-

мужества? С любимым не вышло, так хоть с кем... Мне вдруг стало страшно. Через две недели свадьба... И платье сшито... Верх изысканности — тончайший шелк цвета слоновой кости с брюссельскими кружевами... И свадебное путешествие заказано. На Мальдивские острова. Идея не моя. Но Серджио обожает дайвинг и рыбацкие приключения. А что мне-то там делать? Но я молчу. Мне в общем как-то все равно. Мальдивы так Мальдивы.

Я продолжала наблюдать за скандинавом. Громадная порция мороженого таяла, а он чересчур медленно и вальяжно его ел. Вот тормоз! Горячий скандинавский парень! Да сейчас мороженое потечет на дорогие светлые брюки. И точно!

— Ах мать вашу! — воскликнул он на чистейшем русском языке.

На брючине расплзлось большое шоколадное пятно. Он вскочил в растерянности, ловко зашвырнул мороженое в довольно далеко стоящую урну. Полез в карман за носовым платком...

Я вытащила из сумки пакетик с пятновыводящими салфетками.

— Вот, возьмите. Это ототрет пятно.

Он взглянул на меня с удивлением.

— Это пятновыводитель?

— Да. Только не тормозите, оттирайте скорее.

— Спасибо. Вы русская? А я решил, что вы типичная итальянка... И очень красивая.

А мне-то казалось, что он меня и не заметил.

— С ума сойти, кажется и вправду отходит...

— Возьмите еще одну. Эта уже грязная.

— Спасибо, вы просто чудо. Спасительница.

У меня через полтора часа переговоры, а гостиница далеко. Я бы не успел. Хотел уж бежать покупать новые брюки.

— Все в порядке. Теперь надо высушить пятно.

— Да тут на солнышке в миг высохнет. Чем я могу отблагодарить вас?

— Не о чем говорить. И вот, возьмите эту пачку. У меня еще есть.

— Ну, уж тогда я буду в неоплатном долгу.

— Пусть это будет ваш самый большой долг в жизни, — засмеялась я.

— Ненавижу быть должным. Долг даже в десять рублей меня напрягает.

— Хорошо, тогда в оплату этого непомерного долга скажите, почему у вас был такой невероятно счастливый вид? У вас случилось что-то хорошее? Поделитесь.

— Да нет... Ничего такого... Просто Рим, площадь Испании, потрясное мороженое, солнышко...

— Только и всего? А я решила, что вы... Впрочем, неважно.

— Нет уж, договаривайте. Что вы там насчет меня решили?

— У меня было два варианта. Либо вы здорово и счастливо влюблены...

— Либо наоборот, только что развелся?

— Именно!

— Увы, ни то ни другое. Просто я умею наслаждаться моментом. Мне было хорошо. Я ответил на ваш вопрос?

— Пожалуй.

— А что вы делаете сегодня вечером?

— Сегодня вечером... Я занята.

— Ну что ж, не смею настаивать. Но мне жаль. Скажите, прекрасная незнакомка, как вас зовут. Хотя сперва следует мне представиться. Гуннар Лиепиньш.

— Вы латыш?

— На одну четверть.

— А меня зовут Фаина.

— Фаина? Какое редкое имя... Кажется, никогда не знал ни одной Фаины, кроме разве что Раневской.

Я развела руками и улыбнулась. Я все-таки почти угадала. Хоть и не скандинав, но прибалт, что в принципе почти одно и то же. Словом, викинг.

— А завтра, примерно в это время, вы свободны?

— Увы, нет.

— Ну что ж, тогда прощайте, прекрасная незнакомка. Нет, не так! До свидания, прекрасная Фаина.

— Удачи на переговорах, Гунар!

Я повернулась и пошла прочь. Почему я не захотела встретиться с ним еще разок? Испугалась? Наверное. Ни к чему мне сейчас заводить какие-то новые отношения. Я чувствовала, что понравилась ему... А он мне, кстати, не очень... слишком красивый.

Мои родители расстались, когда мне было десять лет. Поначалу я страшно горевала, но, повзрослев, поняла, что только чудом они продержались вместе столько лет. Как там у Пушкина: «Они сошлись. Вода и камень, стихи и проза, лед и пламень...» В отце бушевала смесь разных кровей — итальянской, еврейской, польской и русской. В маминых жилах текла смесь русской и финской. Мама во всем и всегда стремилась к порядку. Она просто не могла жить, если что-то было не сделано, не улажено, не соответствовало ее представлениям о пресловутом порядке. А отец был человек стихийный. Ему этот порядок претил,

он вечно дразнил маму «Фрау Орднунг». Словом, они расстались. И я помню, когда отец забрал из дому свои вещи, мама вдруг тяжело вздохнула. Но это был вздох облегчения. Наконец-то в доме воцарится порядок! И он воцарился. Но я затосковала. И с нетерпением ждала воскресений, когда отец забирал меня и мы с ним шли «нарушать порядок»! Это было так весело! Он вел меня куда-нибудь, куда мама ни за что бы меня не пустила. Например, в Парк культуры на аттракционы. А потом в боулинг, тогда это называлось «кегельбан», где пили пиво, курили и вообще была совсем не детская атмосфера. Тем более, что там стояли чуть ли не первые в Москве игровые автоматы. Папа катал шары, а я играла на автоматах. Потом мы шли в какой-нибудь ресторан в творческих клубах Москвы. В Дом кино или Дом литераторов или Дом архитектора или ВТО. Отец был модным фотографом. Разумеется, маме я не рассказывала о наших похождениях. Я говорила, что мы были в цирке или в театре или в зоопарке.

— Не надо маме все рассказывать, она огорчится, — предупреждал отец.

— Папа, но ты же сам сколько раз говорил — врать нехорошо.

— Врать плохо, а вот умолчать иной раз просто полезно для здоровья.

- Для маминого здоровья? — уточняла я.
— Для всеобщего здоровья, — смеялся папа.

Так прошло три года. Я выросла. Мама вышла замуж. Ее новый муж казался мне самым скучным человеком во всем свете. Но зато он тоже любил порядок. Помню, я говорила своей закадычной подружке Татке:

— Не понимаю, как она может... После папы... От этого ее Валечки такой тоской веет, он такой правильный, скучный, я, как его вижу, зевать начинаю! Жуть с ружьем!

— Нет, похоже, именно без ружья! — предположила Татка.

Мы ржали.

За мной начали бегать парни. И я влюбилась. В десятиклассника. Он тоже не остался равнодушен. И однажды, провожая меня после кино, решился наконец меня поцеловать. Я давно этого ждала. И мы стали целоваться как ненормальные. За этим упоительным занятием нас и застал мамин муж Валентин Валентинович.

— Фаина! Ступай немедленно домой! Мне надо поговорить с этим юношей.

— Не надо вам с ним говорить! — возмутилась я. — Вы мне никто! У меня есть отец, и если надо, то он с ним сам поговорит.

У отчима покраснели уши и кончик носа. Он возмущенно запыхтел, но все-таки схватил меня за руку и поволок в квартиру.

— Не смейте ее трогать! — заорал Сенька.

— Уйди, мерзавец!

— Он не мерзавец! — завопила я. — И отпустите меня!

На наши вопли выскочила мама.

— Что тут происходит?

— Леля, твоя дочь совсем потеряла стыд!

— Сенька, уходи! — шепнула я. — Сама разберись!

Когда мы наконец вошли в квартиру, мама ледяным тоном спросила:

— Что случилось, Валя?

Если бы она спросила об этом у меня, все могло бы сложиться иначе. Но она спросила у него.

— Леля, твоя дочь ведет себя неприлично. Обжимается со взрослыми парнями. И это только видимая часть айсберга. Я убежден, что она уже живет с мужчинами. Посмотри, какой у нее вид! Малолетней проститутки! Это все влияние ее папаши! Я предупреждал, что ребенка надо от него изолировать! Но теперь уже поздно.

Всю эту ахинею он произносил как-то монотонно, то есть не сгоряча. Я в ужасе смотрела на маму. Неужто она не возьмет мою сторону? Не

пошлет его куда подальше, не влепит пощечину за оскорбление ее единственной дочери?

Ничего этого она не сделала. Только положила руку ему на плечо и прошептала:

— Успокойся, Валечка!

А мне бросила:

— Ступай в свою комнату!

Я кинулась к себе, попихала какие-то вещички в спортивную сумку и тихонько проскользнула в прихожую. Приоткрыла входную дверь, шмыгнула на лестницу и была такова.

Увидев меня в полдвенадцатого ночи на пороге своей квартиры, отец опешил:

— Бамбина, что стряслось?

Почему он вдруг назвал меня бамбиной?

— Папочка, я не могу больше так жить! Я теперь буду жить с тобой! Этот тип...

— погоди, не с порога. Войди, закрой дверь. Вот так. Ну, что там случилось? Кто обидел мою дочку?

Я все ему рассказала.

— Понятно. Ну, рыдать не стоит. А скажи мне честно, что у тебя с этим Сенькой?

— Да ничего, мы просто целовались, и то в первый раз.

— Это правда или ты о чем-то умалчиваешь?